

Социальная архаизация постсоветской Тувы

Ч. К. ЛАМАЖАА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)¹

В статье описываются причины и процессы архаизации в обществе Тувы в период социальной трансформации после 1990-х годов. Среди процессов архаизации: обращение к родоплеменным традициям, возвращение к натуральному хозяйствованию, актуализация скотокрадства как одной из традиций кочевых культур.

Ключевые слова: архаизация, социальная трансформация, родоплеменные традиции, клановость, адаптация, кочевые культуры.

Social Archaization of Post-Soviet Tuva

Ch. K. LAMAZHAA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

In the article the reasons and processes of archaization in the society of Tuva in the period of social transformation after the 1990s are being described. Among the processes of archaization there are conversion to a kin and tribe traditions, returning to natural farming, actualization of cattle rustling as one of the traditions of nomadic cultures.

Keywords: archaization, social transformation, kin and tribe traditions, clannishness, adaptation, nomadic cultures.

Социально-политические трансформации России 1990-х годов привели к сложению анархического социального порядка в стране. По мнению В. Г. Федотовой, он отличается отсутствием центральной власти, действенных институтов, коллективных представлений и общей идентичности. В этой ситуации в обществе произошел возврат к ранним формам капитализма, натурализация, рефеодализация в способах производства и человеческих отношений (Федотова, 2001: 233–236).

Распространенными для анализа данных демодернизационных процессов стали понятия «архаика», «архаизация», «феодализм». Российское общество, по мнению многих отечественных исследователей, имеет глубокие пласты неизжитой архаики (напр.: Милов, 1998; Давыдов, 1998; Янов, 1999; Булдаков, 1997; Рябов, 2008 и др.), что обуславливает особую остроту проблемы. По мнению А. С. Ахиезера, архаизация означает следование культурным программам, историче-

ски сложившимся в пластах культуры, сформировавшимся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. На кризис люди отвечают возвратом к старым идеям, т. е. архаизация выступает как форма регресса (Ахиезер, 2001: 89).

Одним из аспектов проблемы является тот факт, что архаизация стала проходить по всей стране с разной степенью интенсивности в зависимости от большей или меньшей традиционности региональных сообществ. Другими словами, российская архаизация имеет четко выраженное региональное измерение.

Рассмотрим один из региональных примеров. Архаизация общества в Республике Тува отличается особыми глубиной и масштабами. Обусловлено это было рядом причин. Среди них: относительно малый срок трансформационных процессов в этой центральноазиатской республике. Еще в 1940-х годах большинство ее коренного населения вело

* Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел. (495) 374-75-95. Эл. адрес: lamajaa@mail.ru.

кочевой образ жизни. Политические изменения в регионе (освобождение Тувы из-под власти Маньчжурского Китая в 1911 г., принятие в 1914 г. протектората царской России, провозглашение в 1921 г. самостоятельной государственности, вхождение в 1944 г. Тунну-Тувинской Народной Республики в состав СССР) мало изменили традиционный уклад людей. Существенные социальные сдвиги произошли лишь в середине XX в., когда был произведен массовый перевод кочевников на оседлость согласно требованиям социалистических представлений о правильном, передовом образе жизни для «отсталого», как считалось, народа.

К периоду реформ конца 1980–1990-х годов население региона подошло с наличием нескольких поколений с разным социализационным опытом и разрывами связей преемственности. Общество в советское время получило разные социокультурные травмы, однако продолжало ориентироваться на старые ценности, которые не могли быть истреблены, ибо советская система сама оказалась построенной на них: на коллективизм, иерархическую соподчиненность (наличие сильных вертикальных социальных связей), патронально-клиентельных отношений.

1990-е годы с переменной социальной вектора оказали второе, более мощное воздействие на тувинцев, на всех жителей Тувы. Несмотря на ориентацию на западные по сути ценности (индивидуализм, свободу экономических отношений, конкуренции, приоритет новаций над традициями), курс на них проводился крайне непоследовательно. Сама власть начала полный передел капитала, отстранилась от решения социальных проблем, людям объявили лишь свободу экономических отношений, выбора деятельности, но не обеспечили механизмами регулирования свободы одних от свободы других. В условиях естественно расцветшей социальной анархии население ухватилось за старые формы взаимоотношений, которые когда-то цементировали тувинское кочевое общество. Жизнь по советским законам закончилась,

идеи рынка и демократии быстро обернулись произволом, элементарным воровством и тотальной приватизацией. Опора в этих условиях была только в старых, проверенных веками традициях, в архаических культурных кодах. Правда, как отмечает А. Рябов, быстрота и легкость, с которой архаика возродилась в общественной практике страны, может быть объяснена и тем, что в советской системе уже имплицитно присутствовали элементы феодализма (Рябов, 2008: 6–7).

Общественная трансформация начала 1990-х годов была настолько кардинальной, что в Туве это сразу же вылилось в межэтнические конфликты в 1990–1991 гг. между тувинцами и русскими. В научной литературе присутствует несколько объяснений причин данного обострения, в основном социалополитические (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 69; Балакина, 1996: 17–18; Дацьшен, 2005; Москаленко, 2004: 180–182). Помимо них можно отметить, что кризис социального положения спровоцировал проявления в целом архаических оснований культур с обострением оппозиционных категорий этнических идентичностей «свои — чужие».

Архаизация же в целом выразилась в возвращении к патриархальности, в преобладании тактики семейного выживания, увеличении доли сложных семей, даже в городских поселениях, состоящих из двух и более простых частей — родителей и детей (Гончарова, Савельева, 2004: 173–224), а также к актуализации родоплеменных связей в превращенной форме — в клановости, в том числе во власти.

Как определила в своем исследовании В. С. Донгак, внутривидовые связи существенно влияют на самоидентификацию почти половины тувинцев — 46,2% (Донгак, 2003: 14). Тувинец не мыслит своего существования вне родни. В его жизни всегда есть двоюродные, троюродные и прочие братья, сестры, тети, дяди — «большая семья». Они для тувинца и спасение, благо, и своего рода сеть, из которой трудно выбраться.

Тувинцы гордятся достижениями своих родственников, воспринимая их возвышение

из родовой массы, их успехи, известность как на республиканском, так и общероссийском, мировом уровнях — как одно из подтверждений силы своего рода. Но личности достигают успеха часто не столько за счет силы рода, а сколько за счет своих собственных усилий, которые приходится прилагать, чтобы в том числе вырваться из коллективных сетей рода. Почему? Как только один из тувинцев встает крепко на ноги, как только у него и его семьи формируется основа материального благополучия, он на себе ощущает всю тяжесть родового правила взаимовыручки: его многочисленные родственники требуют к себе внимания, ждут от него помощи слабым. В условиях социального раскола в дореволюционный период жизни Тувы проблема решалась в пользу богатых достаточно просто: они брали к себе в услужение бедных родственников и тем самым «подчинялись» устному праву, обычаю, правилу взаимовыручки. И, как говорится, возразить было трудно: богатые ведь давали возможность хоть как-то прокормиться, пусть даже нещадно используя рабочую силу своих же родственников. Позже, в советское время столь явная корыстная «трактовка» обычая была невозможна, но определенные обязательства возвысившихся членов рода перед остальными всегда сохранялись и выполнялись, в том числе более сильные и благополучные делились частью материального достатка, помогали «выйти в люди» тем, кто не имел образования, собирались на значительные события в жизни рода — свадьба, похороны. Особо ценными были и остаются для тувинцев такие сборы в тяжелое время, когда умирает член семьи. Родовая сеть становится амортизатором удара судьбы.

Но действие обычая взаимовыручки временами оборачивается настоящим паразитизмом. Когда тувинцы стали получать европейское, по сути, образование, обучаться иному этикету, семьи, как единицы рода, поделились на две большие группы, чаще всего городские и сельские, условно говоря — инновационные и традиционные по уровню об-

разования членов семей. Для представителей первой группы не сказать друг другу «спасибо» уже расценивается как невоспитанность, забывчивость. Но «традиционалисты» до сих пор придерживаются старых правил этики. Более того, архаизация отношений в обществе, распространившаяся с 1990-х годов, опустила планку этики второй группы. Часть тувинцев, не вписавшаяся в новые социальные требования, не просто молча принимает помощь от более удачливых родственников, не соразмеряя свой вклад в общесемейное распределение сил, но и настаивает на оказании помощи им. Речь идет не только о расцвете старой родовой солидарности, о расцвете клановых отношений, но и о распространении их превращенных форм — общественного паразитизма.

Предоставление свободы выбора деятельности людям привело к расколу тувинского общества, цементирующие слои которого были размыты в советское время, а также к изменениям в социальной стратификации. Если говорить о работающих в Туве «языком» статистики, то здесь соответствующие тенденции выявила этносоциолог З. В. Анайбан. Она отмечает, что в 1990-е годы постепенно сократилось число занятых в государственном секторе и, соответственно, стала расти численность занятых в негосударственных формах собственности. С 1992 по 1995 г. численность работающих на промышленных объектах сократилась почти втрое. «Обеднели» кадрами и отрасли строительства (почти в два раза), транспорт, связь. Убавилась численность работников сферы бытового обслуживания. Наблюдалось незначительное увеличение числа занятых в здравоохранении и народном образовании (в этих сферах заметен рост численности тувинцев). В целом, остались без изменений сфера науки и аппарат управления. С точки зрения числа образованных специалистов, «лидеры» здесь — отрасли непродуцированной сферы: просвещение, здравоохранение и управление. Менее всего образованных — в сельском хозяйстве республики, которое по количеству занятых остается самой

многочисленной отраслью материального производства (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 50–51).

На мой взгляд, эти тенденции можно объяснить следующим образом. Общественные ресурсы в анархическом порядке стали перераспределяться на следующие группы по тактике выживания или адаптации к переменам: пассивно адаптирующиеся, активно адаптирующиеся и маргиналы.

Пассивно адаптирующиеся попытались вписаться в новый общественный анархический порядок, опираясь на старые представления о системе взаимоотношений «работник — работодатель». Они выбрали тактику работников — тех, кто продает свои силы, вкладывает их настолько, чтобы получить средства на проживание себе и своим семьям. Для тувинцев подобная тактика была и остается более приемлемой в силу традиционных представлений о вписанности человека в существующую систему, о получении им своей части природных даров. Соответственно большая часть населения осталась в сельском хозяйстве. Но не смогла ни поднять его, ни укрепить.

Натурализация стала одной из сторон архаизации в социально-экономической жизни России 1990-х годов. В Туве, где, казалось бы, были самые большие предпосылки для натурализации как возвращения к традиционным видам хозяйствования тувинцев. Однако эта тенденция столкнулась с отсутствием базы для применения традиционных трудовых навыков коренного населения — системы кочевого животноводства. Возвращение к экономическим «истокам» было затруднено и другими причинами: отсутствием преемственности в хозяйственной деятельности, системы обеспечения товарами и услугами, которые не могли быть произведены одними только хозяйствами и пр. Производственная деятельность в сельском хозяйстве Тувы, вслед за промышленным производством, свернулась до критически минимальных объемов.

Другая часть пассивно адаптирующихся старается любой ценой удержаться в систе-

ме государственной службы, в тех социальных институтах, которые обеспечены государственными гарантиями оплаты работы: здравоохранение, образование, культура и пр. Кроме того, что данные институты остаются областями гарантированного существования и определенных социальных льгот, они воспроизводят систему иерархических взаимоотношений, приемлемую в обществе традиционного коллективизма. Это объясняет диспропорции трудовых резервов, которые сложились в итоге, когда уровень образования населения в республике продолжает расти, а безработица в определенных сферах экономики остается без изменений, даже увеличивается.

Та же тенденция, с другой стороны, привела к чрезмерному увеличению аппаратов исполнительной и законодательной власти республики, вплоть до копирования федерального института полномочных представителей (представители президента в кожунах — районах). В Туве проблема аппарата госслужбы приобрела гипертрофированные формы также в виде дублирования аппаратов министерств и ведомств. З. В. Анайбан обращает внимание на «факт несоответствия доли тувинцев, занятых в аппарате управления, их удельному весу в общей численности населения» (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 52).

Активно адаптирующиеся в меняющихся условиях восприняли правила рыночной экономики, однако сделали это в доступной им форме. На смену производственной деятельности возник стихийный, неорганизованный рынок, созданный усилиями «челноков», ориентированных на быстрое получение прибыли с меньшими затратами времени.

Движение это породило особый тип активного человека — «нового тувинца». При всех плюсах появления нового типа человека в трансформируемом обществе, процесс повлек за собой негативные последствия. В том числе без должного внимания государства движение челноков способствовало еще большему сокращению тувинского про-

изводства. Небольшая численность населения и ограниченность внутреннего рынка, отсутствие ряда отраслей промышленности и так способствовали тому, что значительная часть потребностей республики удовлетворялась за счет ввоза из других районов страны.

Кроме активной и пассивной частей населения, нашедших сферы для применения своих сил, в республике присутствует и огромное количество неработающих, не нашедших своего места в трансформирующемся обществе. Они составили основную массу маргиналов. Социологи, опираясь на статистические данные, заключают, что в республике количество безработных с каждым годом все увеличивается (Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика, 1995: 74). Доминирует сельская безработица среди молодежи титульного народа. З. В. Анайбан пишет, что в связи с отъездом в 1991–1992 гг. русскоязычных специалистов с промышленных предприятий безработная тувинская молодежь вопреки ожиданиям не заняла свободные рабочие места. По словам директора комбината «Тувакобальт», «молодые тувинцы не проявили интереса к такого рода работе — к монотонному труду и нормированному рабочему дню» (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 76). Этносоциологи признали, что тувинцы по своим психическим особенностям все же более предрасположены к нечетко нормированному рабочему дню, требующему при небольших физических затратах кропотливости, выносливости и терпимости.

Рост безработицы способствует усилению процесса криминализации. Значительная часть трудоспособного населения перешла в сферу организованной преступности: наркоторговли, контрабанды и скотокрадства. По уровню преступности Тува заняла одно из первых мест в России. Большие территории дикорастущей конопли — источника гашиша — сделали из республики одну из главных российских зон выращивания наркотиков растительного происхождения. В центральных СМИ Тува в этой связи назы-

вается не иначе, как «российская Колумбия». Широкое распространение получило браконьерство и теневая торговля редкими и ценными представителями фауны.

Скотокрадство приобрело размах социального бедствия, охватывая не только сельские районы республики, но и распространяясь и пересекаясь со скотокрадством соседней Монголии. Массовое воровство скота без разбора возраста и состояния животных привело к разорению натуральных хозяйств и не дает возможности для укрепления этой экономической основы общественной адаптации. Как указывают специалисты по номадизму, скотокрадство всегда было присуще кочевым культурам в отсутствие центральной власти (Айонс, 2002: 102). 1990-е годы с кризисом власти снова выпустили этого «джинна», вернули архаические традиции.

В целом, очевидно, что социально-экономическая депрессивность рассматриваемого нами региона, большое количество социальных проблем Тувы не просто тесно взаимосвязаны с процессами архаизации, но и значительно определяются ими. Последние, по мнению А. Рябова, в значительной мере отражают неготовность транзитного общества к дальнейшим изменениям, связанным с новыми рисками, которые заменяются стремлением найти опору не только в привычных формах общественного бытия, но и в тех, что скрыты в глубинах архетипов массового сознания (Рябов, 2008: 7). Отсюда следует неутешительный вывод о перспективах дальнейшего социального развития рассмотренного нами региона, только если власть его не проявит политической воли для проведения в жизнь кардинальных мер по борьбе с негативными проявлениями архаизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айонс, У. (2002) Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.

- Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки истории постсоветской Тувы. М.
- Ахиезер, А. С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.
- Балакина, Г. Ф. (1996) Экономика региона в период реформ. Республика Тыва. Новосибирск.
- Буддаков, В. П. (1997) Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.
- Гончарова, Г. С., Савельева, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири. Проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск.
- Давыдов, Ю. Н. (1998) Макс Вебер и современная теоретическая социология. Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.
- Дацышен, В. (2005) Потенциал конфликтности в зоне российско-монгольской границы в Туве // *Международные процессы*. Т. 3. № 1 (7) январь — апрель. URL: <http://www.intertrends.ru/seventh/008.htm> (дата обращения: 26.05.2009)
- Донгак, В. С. (2003) Этническая идентичность тувинцев : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб.
- Милов, Л. В. (1998) Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.
- Москаленко, Н. П. (2004) Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.
- Ооржак, Ш. (2000) // *Этносоциальные процессы в Сибири*. Вып. 3. Новосибирск.
- Рябов, А. (2008) Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практики и идеи. М.
- Социальные знания и социальные изменения (2001) / отв. ред. В. Г. Федотова. М.
- Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика (1995) / отв. ред. Л. М. Дробижева, Т. С. Гузенкова. М.
- Янов, А. Л. (1999) Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921. Новосибирск.